

Нина Осипова
г. Королев

«ОСЕННЯЯ БИОГРАФИЯ» М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

У каждого человека в жизни есть время, которое в его биологическом, психофизиологическом, эмоциональном ритме играет важную роль. Это объективно-субъективный компонент, связанный с очень многими параметрами. Один из таких параметров – время рождения человека, которое, независимо от того, как сам человек к этому относится, является знаковым в его жизни, приобретая статус «порога», «границы», за которыми начинается новый круг жизни. С этим периодом мы связываем надежды, начало новых дел, позитивные изменения, творческий взлет...

М. И. Цветаева нечасто писала о своем собственном дне рождения – чаще в ее письмах и дневниковых записях встречаются упоминания о днях рождения мужа, дочери и больше всего – сына. Известно также, что, несмотря на переход к новой системе календаря, почти до конца жизни Цветаева в указании даты под произведениями, в письмах и дневниках упорно продолжала пользоваться старым стилем (она называла его «русским»), иногда в письмах встречается двойное написание даты (по новому и старому стилю). Но день своего рождения она всегда воспринимала только по старому стилю, в соответствии с традиционным церковным календарем. Вот только некоторые комментарии. Запись от 26 сентября 1915 года: «День Сереежинаго 22-летия и моего 23-летия»; Запись 1919 года: «Мой день рождения. 26.09.1919. Иоанн Богослов. Серееже 26 лет. Мне 27 лет. Аля подарила 2свечи...щепочки и кусочки спичечных коробок для разжого самовара и блюдечко спитого высушенного кофе...» ()

В одном из писем Н. Гронскому в начале октября 1929 г. она упоминает о своей болезни и замечает, что беседовала со знакомым о черной магии: «Оказывается, мы с Вами под знаком Сатурна. Все приметы совпадают» (). Какие же приметы имеет в виду Цветаева? Верит ли в них? Если искать ответ на этот вопрос в поэтическом творчестве, то он будет утвердительным. Обращение к глубинам народной магии, лик чаровницы-колдуньи-Маринки-цыганки, способной закружить-околдовать, мотивы примет, гаданий, ворожбы, которыми заполнены поэзия, письма, дневники Цветаевой, - все это позволяет говорить о ее вере в сны, приметы, знамения. Если мы обратимся к содержанию разных руководств, которые в большом количестве использовались астрологами, то обнаружим в них общий набор тех самых примет, которые имела в виду М. Цветаева. Суммируя их, сделаем вывод: люди, появившиеся на свет 26 сентября, являются рожденными под знаком воздуха, а поэтому их положение – это положение – *над миром...* Это люди глубокого интеллекта и в то же время натуры, сложные для понимания. Они обладают природной интуицией, непомерной гордостью, честностью, бунтарством, способностью бездумно растрачивать свои силы. Будучи натурами возвышенными, с богатым воображением, бьющими через край

эмоциями, совершенно иррациональным поведением, они одновременно склонны к проявлениям деспотизма, чрезмерной критичности к другим. Такие люди живут в ситуации постоянного одиночества и в поисках дружеской опоры и поддержки нередко совершают непоправимые ошибки, которые приводят к страданиям не только их, но и их близких, поэтому они рискуют сделать свою семью, друзей и в конечном счете самих себя абсолютно несчастными. Их слабость – курение и чрезмерное потребление кофе...¹.

И если действительно предположить, что смена возраста является своеобразным временем «порога», правомерно утверждать, что каждый из нас переживает его по-особому... А поэты переживают это в максимальной степени лирического напряжения. И если взглянуть на «пороговую» лирику М.И. Цветаевой как на самостоятельный и цельный текст, обладающий повышенной знаковостью и своеобразием лирического сюжета, то в нем можно обнаружить свои закономерности.

В поле зрения исследования вошло все творчество поэта в границах между 20 сентября и 10 октября. Естественно, по количественной плотности стихов они неравноценны – от периодов, насыщенных стихами («как искры из ракет»), до периодов, когда их почти не было (в это время М. Цветаева работала над поэмами или болела). Кроме того, обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: в эти осенние дни, окружавшие ее рождение, происходили наиболее знаменательные события ее личной и творческой биографии – это во всех отношениях был порог (как биографический, так и творческий), за которым начинался новый этап жизни. Вспомним эти события. Сентябрь 1913 – Крым, обаяние и сила притяжения Волошина, коктебельское общество и новые друзья. Сентябрь-октябрь 1915 – мучительный разрыв отношений с С. Парнок. Осень 1916 года, как и весь этот год, отмечена творческим подъемом и обилием стихов: две трети стихов, созданных в это время, войдет в 1922 г. в «Версты». В сентябре – начало публикации в «Северных записках» цветаеваского перевода романа А. де Ноай «Новое упование». 1917 год – драма «феодосийской» осени. Сентябрь-октябрь 1918 года – поездка в Тамбовскую губернию за продуктами, нашедшая отражение в «Вольном проезде». Кроме того, в канун дня рождения того же года закончена «Метель». Сентябрь 1920 – закончена «Царь-девица». Сентябрь 1921 года прошел «под знаком» А.Блока и поэзии, связанной с этой трагической датой в истории русской культуры. Осень 1922 – приезд в Чехию и открытие страны, которая навсегда войдет в ее жизнь и даст импульс новым надеждам, личной жизни, творчеству... Сентябрь 1923 прошел под знаком Родзевича. Сентябрь 1929 – болезнь М.И. Цветаевой. Осень 1931 года А. Саакянц назвала «Медонской стихотворной осенью» – не только по количеству написанного, но и по его энергетической силе. Знаки этой осени – «Бузина», которая в пронзительной поэтической форме отразила драматизм «порогов», перемен, рождения и умирания, и знаменитое эссе «Искусство при свете совести» – одно из ярчайших философско-эстетических сочинений XX века. Сентябрь 1932 –

переживание смерти Волошина и работа над посвященным ему циклом. Осень 1936 года проходит в орбите притяжения А.Штейгера. Осень 1937 – дело Рейсса. Наконец, 3 октября 1940 М. Цветаева в воодушевлении берется за составление сборника стихов, который так и не выйдет при ее жизни.

Если сложить все стихотворения, написанные вокруг 26 сентября, получится очень интересная картина, позволяющая выявить образный строй этой лирики. Я бы определила ее как «лирику инициации», отражающую ступени «вхождения» в новую жизнь и персоналистическое видение уникальной личности. Практически все образцы «сентябрьской лирики» Цветаевой концентрируют в себе наиболее важные мотивы ее творчества. Конечно, все эти мотивы проходят через все творчество Цветаевой, но когда они с такой «плотностью» реализуются в пространстве небольшого хронологического отрезка, их интенсивность и фактурность поражают.

Достаточно четко здесь выделяются три мотивных пласта. Прежде всего, ситуация пороговости, границы обусловлена обращенностью этой лирики к Богу. Почти везде в лирике сентября-октября мы встречаемся с лирическим сюжетом разговора поэта с Богом. Это не только молитвенная лирика как таковая, но и ситуация явления Бога, сходящего на землю, Бога, который одновременно воспринимается и музой, и собеседником, и вожатым, и отцом, и сыном, и рыцарем, и лесом, и странником... Интересное наблюдение: пражский рыцарь из стихотворения 27 сентября 1923 г. очень близок и к Богу из одноименного цикла конца сентября-нач.октября 1922 г., и к Байрону, («Байрону»): «Когда очнулись демоном от сна Вы / И богом для людей»(1, 186); и к Пушкину («Встреча с Пушкиным»): «Я вспоминаю курчавого мага/ Этих лирических мест»(1,187); или: « И не плача зря/ Об отце и матери - встать, и с Богом/ По большим дорогам/ В ночь - без собаки и фонаря...»(1,321)

Акцентирование этой темы, как представляется, также связано с ситуацией порога-рождения, приобщением к таинству и с острым ощущением причастности к иному миру: «Как рождаются в мир,/ Я не знаю: но *так* умирают» («Спаси, Господи, дым!..2,155). И здесь М. Цветаева созвучна В. Розанову, в интенциях которого человек преобразует мир, постигает Бога в соответствии с опытом своей единичной жизни: «Мой Бог – особенный..... “Мой Бог” – бесконечная моя *интимность*, бесконечная моя *индивидуальность*»². Цветаевский Бог – тоже не Абсолют - Абсолютом становится сам человек.

Порог определяется репрезентацией двух миров, между которыми – поэт, испытывающий муки этого великого противостояния, бросающийся «с безвестной башни – в каторжный вой: Голос правды небесной против правды земной» (2,153; стихотворение, датированное 26 сентября 1922 г.). Это всегда связь с трансцендентным миром, что объясняет мотив маргинальности, «пограничности» существования поэта. Отсюда – напряженная диалогичность, свойственная всем «осенним» стихам М. Цветаевой. Потому что диалог, и в частности диалог с Богом, – это тоже своеобразное

преодоление границы. Это самоанализ (бескомпромиссный и сокровенный), граничащий с исповедальностью. Диалог-вопросание, характерный для инициального типа лирики, встречается в стихотворении «Еще молитва». Как правило, в инициальном контексте, актуализируется мотив страдания, прежде всего телесного, физических мучений, через которые должен пройти неофит, вступая в стадию своего взросления: через испытание огнем, водой, болью...: «Но не правда ль: ведь счастья нет вне печали? Кроме мертвых ведь нету друзей?» (1, 98). Для Цветаевой это и огонь, и вода, и испытание любовью, предательством: «Подставляю открытую грудь. /Познаю срединную суть./ Обязуюсь гореть и тонуть» («Был мне подан с высоких небес...»; 1,429).

В этом смысле Цветаева близка к персонализму Бердяева, у которого Бог и «духовные субстанции» человека равновелики: в полноте творческой энергии и неограниченной свободы человек подобен Творцу. Но Цветаева мыслит радикальнее Бердяева. В письме к Волошину она пишет, что Бог у Бердяева – не «растущий», не «воинствующий» (6,67) Бог не статичен, ибо «бег он – и движется». Вместе с растущим и воинствующим Богом растет человек. Растущий и воинствующий Бог предполагает наличие критического, иногда бескомпромиссного начала: постепенно усиливается тема греха и бунта, как в стихотворении, датированном 26 сентября 1915, «Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»: «Буду грешить – как грешу – как грешила: со страстью! /Господом данными чувствами – всеми пятью!». Или в стихотворении «В гибельном фолианте»: «Бог, не суди! – Ты не был/ Женщиной на земле!»). Каждый новый сентябрь в жизни и сознании М. Цветаевой – это новая ступень бунта и обостренной бескомпромиссности. Осень 1918 г.: «Ты дал нам мужества /На сто жизней!/ Пусть земли кружатся,/Мы недвижны<...>Свое подобье/Ты в небо поднял - /Великой верой / В свое подобье. Так дай нам воздуху/ И дай нам поту -/Дабы снести нам/ Твои щедроты (1,429).

Другой мотив, скрепляющий лирику рождения в единый текст, – это мотив смерти, который с удивительным постоянством проходит сквозь все «цветаевские сентябри», начиная с «Еще молитвы» и кончая «Садом» 1934 года. На тему смерти в поэзии М. Цветаевой написаны горы литературы, но при этом возникает вопрос: почему с таким упорством этот мотив появляется в самые, казалось бы, знаковые дни, почему в собственный день рождения поэт думает и пишет о смерти:

Два цветка ко мне на грудь
Положите мне для воздуху
Пусть нарядной тронусь в путь, -
Заработала я отдых свой (30.09.1918; 1, 428)

В воду пропуск
Вольный. Розам – цвесь!

Бросил – брошусь!
Вот тебе и месть! (27.09.1923; 2,228)

Так через радугу всех планет
Пропавших – считал-то кто их? –
Гляжу и вижу одно: конец.
Раскаиваться не стоит (6.X.1923;2,231)

А чердак мой чисто метен –
Сор подобран – на жаровню.
Смерть хоть сим же часом встретим:
Ни сориночки любовной! (нач.окт.1919; 2, 485)

Как представляется, это тоже обусловлено ситуацией «пороговости», которая воссоздает самый первый миф человеческой культуры – миф об уходе и возвращении, смерти и жизни. Это не столько цветаевская («рождение – паденье в дни»), сколько общепозэтическая традиция (вспомним письма Пушкина об этом же, пастернаковскую лирику...).

Цветаева истолковывала вещи и явления обыденной жизни, этические поступки в экстраординарных ситуациях порога – смерти и последующего рождения, границы. Поэтому и рождение свое она ассоциирует со взрывом-пожаром: Красною кистью /Рябина зажглась./Падали листья,/Я родилась.»(1,273).

Об этом она точно говорит в «Искусстве при свете совести»: «Дать себя уничтожить вплоть до какого-то последнего атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастет – мир» (5,349). Показательно в этом плане ее обращение к знаменитым строчкам пушкинского «Пира во время чумы»: «Все, все, что гибелью грозит,/Для сердца смертного сулит/Неизъяснимы наслажденья», в которых она видела ключ ко всему творчеству поэта.

Как вписывалось в эту «осеннюю» пограничную зону творчество? В этом контексте смерть сопрягалась и с мифологией творчества, на которую наслаивалась и литературная мифология: в пространстве смерти и инициации прочитывается в лирике М. Цветаевой «дантовский код», и в частности «вергилиевский» мотив «Божественной комедии», связанный с темой **ученичества** и образом **Вожатого**, пришедшего из иного мира, – своего рода жреца, творящего инициальный обряд. У Цветаевой это Байрон, Пушкин, Пражский рыцарь, Бог, Орфей, Офелия. Здесь встречаются и образы-символы переправы: река, мост, поезд (своеобразный аналог Хароновой ладьи); появляется символика моста, в мифопоэтической традиции соединяющая «этот» мир и «тот», мир «пустого сада»-рая. Знаковым является стихотворение «Поезд жизни» (датировано 6.10.1923). Вокзал как перекресток жизни, сгусток временного быта – это собственная жизнь поэта, как она выстраивается в его сознании (вспомним в связи с этим

в дневниках Мура описание их московской комнаты с многочисленными тюками и коробками, напоминающей вокзал). В «осеннем» цикле «Деревья», в стихотворении «Сад» М. Цветаева опишет знаки этого мира – «без нишажка, без ни души...».

Последняя дневниковая запись, оставленная М.И. Цветаевой в день рождения 26 сентября 1940 года, гласит: «N.V.Сегодня 26 сентября по старому. И. Богослов. Мне 48 лет. Поздравляю себя 1. (тьфу,тьфу,тьфу) с уцелением 2) (а м.б. 1) с 48-ью годами непрерывной души». ().

В последнюю свою осень она так и не успела вступить, остановившись на пороге своего 49-летия.

Примечания.

1. См., например: Голдшнайдер Г. Тайный язык дня рождения. Астролого-психологический портрет. М., 2002. С.460-461.
2. Розанов В.В. Уединенное. М.,1990. С.48.